

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2016.3.04

Правильная ссылка на статью:

Мукомель В. И., Хайкин С. Р. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 51—68.

For citation:

Mukomel V. I., Khaykin S. R. Crimean Tatars after the «Crimean Spring»: transformation of identities // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2016. № 3. P. 51—68.

В. И. Мукомель, С. Р. Хайкин КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ ПОСЛЕ «КРЫМСКОЙ ВЕСНЫ»: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ ПОСЛЕ «КРЫМСКОЙ ВЕСНЫ»: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

CRIMEAN TATARS AFTER THE “CRIMEAN SPRING”: TRANSFORMATION OF IDENTITIES

МУКОМЕЛЬ Владимир Изявич — доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора миграционных и интеграционных процессов Института социологии РАН, Москва, Россия.

E-MAIL: mukomel@isras.ru

ORCID: 0000-0001-7896-0261

Vladimir I. MUKOMEL¹ — Doctor of Social Sciences, head of Department of Migration and Integration Processes

E-MAIL: mukomel@isras.ru

ORCID: 0000-0001-7896-0261

ХАЙКИН Сергей Романович — советник Руководителя Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН России), Москва, Россия.

E-MAIL: s.khaikin@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9151-5357

Sergey R. KHAYKIN² — adviser to Head

E-MAIL: s.khaikin@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9151-5357

¹ Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² Federal Agency for Nationality Affairs, Moscow, Russia

Аннотация. События весны 2014 г. в Крыму были схожи с тектоническим сдвигом, афтершоки которого особо болезненно воспринимаются крымскими татарами. Ключевая проблема, рассматриваемая в настоящей

Abstract. The spring 2014 Crimean events were similar to a tectonic shift, aftershocks of which are painfully perceived by the Crimean Tatars. This article highlights the impact of these events on civic, regional, ethnic and

статье — в какой мере события того (и последующего) времени повлияли на гражданскую, региональную, этническую и конфессиональную идентичность крымских татар.

Структура идентичностей крымско-татарского населения в изменившейся ситуации претерпела кардинальные изменения. Гражданская идентичность ушла на второй план: снижение доли идентифицирующих себя с Украиной не было компенсировано соответствующим ростом доли идентифицирующих себя с Россией; большинство крымско-татарского населения занимают выжидательную позицию. Крымские татары в большинстве своем так и не приняли Россию, в рамках массового опроса только 16% респондентов назвали себя россиянами. Даже среди тех, кто поддерживает идею вхождения Крыма в состав Российской Федерации, гражданская (российская) идентичность выражена слабо. Гражданской идентичности противопоставляется региональная идентичность.

Традиционно неразрывные для крымских татар и занимающие первые места в структуре идентичностей этническая и региональная идентичности подверглись эрозии: среди недовольных новыми социальными условиями и порядками крымских татар все возрастающее значение приобретает конфессиональная принадлежность. Региональная идентичность замещается последней при сохранении этнической идентичности в качестве доминирующей.

Статья базируется на репрезентативном опросе крымских татар, проведенном Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в ок-

confessional identity of the Crimean Tatars.

The identity structure of the Crimean Tatars has undergone substantial changes. Civic identity has taken back seat: decreasing share of those who identify themselves with Ukraine has not been compensated for the growing share of those identifying themselves with Russia; the majority of the Crimean Tatars adopt a “wait and see” approach. Many Crimean Tatars have not accepted Russia; according to the survey data, only 16% call themselves “rossiyane” (Russian citizens). Even among those who support the idea of the Crimean incorporation into Russia, the civic (Russian) identity is weak and opposed by the regional identity.

The ethnic and regional identities that have traditionally been important for Crimean Tatars have undergone deterioration: among those who are dissatisfied with new social conditions and policies the confessional identity is getting more and more important. It substitutes for the regional identity when ethnic identity keeps dominant.

The article is based on the representative survey conducted by the VCIOM (Russian Public Opinion Research Centre) among the Crimean Tatars in October 2015 (N=1200) as well as on the qualitative research conducted by VCIOM and the Institute of Sociology of the RAS in the summer and the autumn 2015 (12 focus-groups with Crimean Tatars, 4 focus-groups with representatives of “ethnic majority”, 19 expert interviews and 10 biographic interviews

тябре 2015 г. (1200 респондентов), а также качественных исследованиях, проведенных ВЦИОМ и Институтом социологии РАН летом и осенью 2015 г. (16 фокус-групп, 29 экспертных и биографических интервью).

Ключевые слова: крымские татары, идентичности, гражданская идентичность, региональная идентичность, этническая идентичность, конфессиональная идентичность

Keywords: Crimean Tatars, identities, civic identity, regional identity, ethnic identity, confessional identity

Благодарность. Исследование проведено при поддержке гранта РФФ № 15-18-00138

Acknowledgement. The study is funded by the Russian Science Foundation #15-18-00138

«Крымская весна», оставившая глубокий след в восприятии населения, будет еще долго ощущаться как точка бифуркации, по-разному интерпретируемая по своим последствиям представителями разных социальных и этнических групп. Особое влияние события 2014 г. имели на крымских татар, испытавших шок от происходящего.

Идентичность ситуативна, и социально значимые события способны серьезно изменить структуру идентичностей отдельных социально-демографических и этнических групп¹. Особое значение приобретают сдвиги в гражданской, региональной, этнической идентичностях. Ключевая проблема, рассматриваемая в настоящей статье — в какой мере события 2014—2015 гг. повлияли на гражданскую, региональную и этническую идентичности основных этнических групп полуострова, на их соотношение в восприятии крымских татар. Три основных измерения идентичности крымских татар (гражданское, региональное и этническое; конфессиональная идентичность рассматривается как фоновая) ставят следующие исследовательские вопросы: как соотносятся у крымских татар гражданская и этническая идентичности? каково соотношение гражданской и региональной идентичности; как сопрягаются региональная и этническая идентичности? Поиску ответов на поставленные вопросы и посвящена настоящая статья, в которой анализ структуры идентичностей крымско-татарского населения рассматривается на фоне идентичности этнического большинства.

Методология исследования

Статья основывается на исследованиях, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) по заказу Федерального агентства

¹ Авторы исходят из понимания идентичности как ключевого элемента субъективной реальности, феномена, возникающего из диалектической взаимосвязи индивида и общества [Бегрев, Лукман: 279, 281].

по делам национальностей (ФАДН) и Институтом социологии РАН (ИС РАН) в рамках реализации в 2015 г. проекта «Социально-экономические и социально-культурные предпосылки напряжений и конфликтов в сфере межнациональных отношений»².

Исследования ВЦИОМ включали:

Репрезентативный опрос крымско-татарского населения Республики Крым и г. Севастополя. Опрос прошел в 50 населенных пунктах Крыма (в городских округах Симферополь, Судак, Севастополь, Джанкой, Евпатория, Красноперекопск, Саки, Ялта, населенных пунктах Бахчисарайского, Белогорского, Джанкойского, Кировского, Красногвардейского, Красноперекопского, Ленинского, Нижнегорского, Раздольненского, Сакского, Симферопольского, Советского, Черноморского муниципальных районов). Объем выборочной совокупности: 1.200 респондентов. Для расчета выборки использованы данные переписи, проведенной в Крымском Федеральном округе (КФО) в 2014 г.³. Полевой этап количественного исследования проводился ВЦИОМ с 15 по 26 октября 2015 г.

Качественные исследования, проведенные 19—27 ноября 2015 г., включали серию фокус-групповых дискуссий и биографических интервью с крымскими татарами, а также глубинные интервью с экспертами.

Всего было проведено 8 фокус-групп с крымскими татарами, из них:

4 ФГ — с жителями г. Симферополь и Симферопольского района: *недовольные, средний и старший возраст; недовольные, молодежь; лоялисты, смешанный возраст; а также крымско-татарская интеллигенция.*

4 ФГ — с жителями г. Бахчисарай и Бахчисарайского района: *лоялисты, смешанный возраст; недовольные, молодежь; недовольные, средний и старший возраст; а также старший возраст (вернувшиеся из депортации в течение последних 25 лет).*

Проведены 10 биографических интервью с крымскими татарами различных возрастов и профессиональных статусов. (Длительность одного биографического интервью — от 2 до 5 часов).

Проведены 10 экспертных интервью с представителями следующих групп: научная общественность (этносоциолог, политолог) (2), имам мечети (1), представители региональных и муниципальных органов власти (4), представители общественных организаций крымских татар (3). Длительность одного глубинного интервью с экспертом — от 2 до 3 часов.

Исследования Института социологии РАН включали:

4 фокус-группы с представителями крымско-татарской молодежи, принадлежащими к разным слоям общества (включая 2 фокус-группы с лицами 20—29 лет, принадлежащих к высшим слоям среднего класса и 2 фокус-группы с лицами 20—29 лет, принадлежащих к низшему классу);

4 фокус-группы с молодежью, представителями этнического большинства, принадлежащими к разным слоям общества (включая 2 фокус-группы с лицами 20—29 лет, принадлежащими к высшим слоям среднего класса и 2 фокус-группы с лицами 20—29 лет, принадлежащими к низшему классу).

² Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 15-18-00138.

³ Согласно данным переписи, основными этническими группами в КФО являются русские (67,9%), украинцы (15,6%) и крымские татары (10,5%, в т. ч. в Республике Крым — 12,6%, г. Севастополе — 0,8%) [Национальный состав населения].

Глубинные полуформализованные интервью с экспертами (фактически взято 9 интервью, все эксперты — пророссийски настроенные специалисты, включая и представителей крымских татар).

Прямая речь участников фокус-групп и интервью по исследованиям ВЦИОМ выделяется прописным текстом, по исследованиям Института социологии РАН — строчным.

Обследования отражают ситуацию на полуострове по состоянию на осень 2015 г. За скобками остались последующие знаковые события, серьезно отразившиеся на восприятии окружающего крымчанами — не только крымскими татарами, но и представителями других этнических групп: блэкаут конца осени-начала зимы 2015 г, запрет меджлиса и др.

Фон: гражданская, региональная и национальная идентичности этнического большинства

За исключением крымских татар, для подавляющего большинства представителей других этнических групп вопрос о гражданской идентичности не стоял: де-юре являясь гражданами Украины, они ассоциировали себя с Россией. В первую очередь, это было характерно для старшего поколения, и особенно, военных пенсионеров, служивших во времена СССР или в постсоветский период в российском Черноморском флоте.

Сложнее ситуация с младшим поколением, прошедшим социализацию в независимой Украине:

— Мы действительно говорили «там, на Украине», не ассоциируя себя с этой национальностью, так сложилось исторически.

— *Да. Хотя в этот вопрос я бы ещё добавила критерий возраста: если это человек 40 лет, он родился в Советском Союзе, а потом жил в Украине, тут уже важно, как он чувствовал — перешёл ли он, скажем так, душой и телом в Украину. Если взять человека 22 лет, который родился, когда Крым был Украиной, то это другое дело. И странно слышать, когда такие крымчане говорили «там, на Украине», то есть это уже навязанные нашему поколению традиции (русские, средний класс, ФГ 2)*

Поддержав безоговорочно «крымскую весну», русская молодежь не отрекается от Украины: «Что я была украинской [гражданкой], что стала русской, особой разницы нет. На Украине нам говорили: «Вот вы, украинцы, великий народ, у вас красивый язык, предки такие хорошие». А теперь мы в России, вот нам говорят: «Вы — русские, такой классный народ, Путин — хороший президент». Сейчас мы гордимся понятное дело, но и на Украине мы гордились, так что особой разницы нет» (русские, низший класс, ФГ 2).

Более того, молодежь выказывает ностальгию по Украине — причем даже не по стране, а по украинскому государству, — проявляющуюся самым неожиданным образом:

— многие [крымские татары] считают себя гражданами Украины и говорят, что Украина — их Родина... им нравилась страна Украина, а не государство. Государство Украина было, скажем так...

— Всем оно нравилось.

— Ну да, в этом тоже есть своя правда (русские, средний класс, ФГ 2).

Есть несколько групп русской молодежи, столкнувшихся с персональными проблемами гражданской идентичности после «крымской весны». Во-первых, с серьезными психологическими проблемами столкнулись спортсмены, выступавшие на соревнованиях под знаменем Украины:

— ...она [чемпионка мира], конечно, не кричит на каждом углу, но поддерживает Украину, говорит: «невозможно, когда за твоей спиной много раз поднимается жёлто-голубой флаг, не чувствовать гордость и тем более не возможно от этой гордости в один день взять и отказаться и начать выступать за сборную другой страны». Поэтому спортсмены — это отдельная тема. Когда ты посвящал этой стране свои победы, шёл под этот гимн, нёс за спиной этот флаг, это невозможно.

— ...я не раз слышал от людей, спортсменов, что они поддерживают Украину, сожалеют, но не демонстрируют этого (русские, средний класс, ФГ 2).

Спортсменам экстра-класса трудно забыть и отречься от тех положительных эмоций, которые ассоциируются с символикой украинского государства. Кроме того, часть из них потеряли в социальном статусе — многим, входящим в элиту украинского спорта, сложно пробиться в элиту спорта российского.

Во-вторых, указывали также, безотносительно национальности, на фанатов: «футбольные фанаты вели себя очень радикально, поддержали Украину» (русские, средний класс, ФГ 1). Учитывая, что большинство фанатов не являлись этническими украинцами или крымскими татарами, можно полагать, что для них играли и продолжают играть роль другие факторы: поездки с командой в другие города Украины, контакты с фанами других украинских клубов и т. д. (лишившись возможности участвовать в соревнованиях украинских команд, крымский футбол не приобрел альтернативы: в настоящее время команды Крыма не участвуют ни в российских, ни в международных соревнованиях).

Складывается впечатление, что, по крайней мере, у части русской молодежи присутствует двойственная гражданская идентичность. Во-первых, как одновременная сопричастность российскому и украинскому обществам (что не исключает кардинального неприятия украинских властей и украинского государства). Во-вторых, как безусловное доминирование российской идентичности, сочетающееся с сохранением «хвостов» идентичности с Украиной.

Для крымчан, особенно в нынешней ситуации, когда все имеют российский и украинский паспорта⁴, характерно специфическое отношение к гражданству. Примечательна реплика одного русского участника фокус-группы: «какая разница, какой флаг над головой». Для него, ярого сторонника «крымской весны», это являлось аргументом в споре с крымскими татарами, занимавшими проукраинскую позицию; сам бы он, скорее всего, такой аргумент с ходу отмел (русские, низший класс, ФГ 1).

Российская идентичность является ныне консолидирующим фактором для этнического большинства. Но идентичность ситуативна. В свое время, до «крымской весны», такую доминирующую роль играла региональная идентичность: «была Украина, был Крым, люди оттуда, когда там звонишь: «А, привет, ты где? А я на Украине. А Крым — это не Украина? Крым — это Крым» (русские, средний класс, ФГ 2).

⁴ При выдаче российских паспортов украинские паспорта не изымались.

Во времена украинского Крыма крымская идентичность могла интерпретироваться как отторжение, игнорирование материковой Украины. Переход Крыма в состав России должен был бы снизить масштабы распространения такой крымской идентичности. Похоже, это не так, как видится извне:

«Познакомились с семьёй, ... каждый год... сюда ездят, муж говорит — мы приезжали сюда вот, в Крым украинский и мы слышали: «Мы — крымчане!», причем от всех — от русских, от татар, от всех они слышали вот это особое определение «Мы — крымчане!», хотя там есть украинцы, а «мы здесь — крымчане», чаще всего. Говорит — я сейчас приезжаю в русский Крым и опять слышу это «Мы — крымчане» (русские, средний класс, ФГ 2).

...год назад был один россиянин с Москвы, который сказал: «Вы хотите быть россиянами, вы ими никогда не будете, вы крымчане — и этим все сказано». И мы всегда останемся крымчанами, потому что мы другие (крымские татары, средний класс, ФГ 1).

Этническое большинство интерпретирует крымскую идентичность как вненациональную, объединяющую представителей всех этнических групп:

— Здесь нет русских, или украинцев, или крымских татар — здесь крымчане.

— Мы крымчане. Это... не национальность.

— ...у меня отец русский, мать — еврейка, и пришла к выводу, что — крымчанка.

— национальность крымчанина — это состояние души (русские, средний класс, ФГ 2).

Со стороны крымская идентичность видится как «крымцентризм»: *«с Сочи, с Краснодара приезжали люди и говорили: как у вас в Симферополе, странный город, он у вас маленький, но у вас такое ощущение, что он в шаре [в центре шара] находится» (русские, средний класс, ФГ 2).*

Специфика «крымцентризма» не может быть понята вне контекста: экономика Крыма, базирующаяся на рекреации, формирует специфический менталитет деления на местных и приезжих («туристов»), взаимоотношения между которыми определяются схемой: *«Приехали, отдохнули, уехали. Это в отношении всех. Приехали, отдохнули, уехали» (русские, средний класс, ФГ 2).*

Реформирование институтов после вхождения в состав России сопровождается массовым притоком представителей различных ведомств, призванных привести систему управления в соответствие с российским законодательством. Однако приезд чиновников, заменяющих крымчан на сколько-нибудь значимых постах (*«крымчан все больше и больше заменяют, видимо, как-то скоро совсем заменят»*), воспринимается негативно, как нарушение сложившегося порядка, как если бы туристы и крымчане поменялись местами:

...они приезжают с таким ощущением, что наш Крым взяли, купили, и мы должны на них работать, т. е. не вникая, что нужно делать, как нужно делать, нужно все бросить и делать, как делают они... Просто требуют. Мы рабочая сила. Рабы.

— Они, просто, все россияне, а мы — крымчане.

— Как вариант — турист и крымчанин (русские, средний класс, ФГ 2).

Недовольство выказывают и крымские татары: *«Здесь есть такой местечковый национализм — крымчане. Засылали македонцев⁵, теперь уже засылают с материка, и [местные] негативно встречают, хотят видеть именно крымчан».*

⁵ Донецко-макеевские назначенцы во властных структурах Крыма до «крымской весны»

Исследования в российских республиках продемонстрировали, что региональная идентичность представителей разных этнических групп может доминировать как над гражданской, так и над этнической идентичностью [Гражданская...: 57—75]. Но, в отличие от других национально-территориальных образований Российской Федерации, где гражданская и региональная идентичности (с высокими соответствующими параметрами) совместимы, что позволяет специалистам говорить о гражданско-региональной идентичности [Дробижева, 2014], в Крыму гражданская и региональная идентичности, скорее, противостоят друг другу. Для русских и других представителей этнического большинства (при безусловной идентификации с Крымом и абстрактной Россией), характерно противопоставление Крыма другим регионам страны — «другой России», неприятие «материковых» россиян. У крымских татар это противопоставление накладывается еще и на противопоставление региональной идентичности гражданской.

Своеобразная «самодостаточность» крымчан балансирует на грани сепаратизма: «Я считаю себя крымчанкой, независимо от того, принадлежит Крым России или Украине» (русские, низший класс, ФГ 1); «чтобы сюда не навязывалось ниоткуда, ни с России, ни с Украины — ниоткуда» (русские, средний класс, ФГ 2). Что особо подчеркивается распространенным образом острова: «у нас остров как бы» (русские, средний класс, ФГ 2); «как бы все на одном острове». Другой яркий образ: есть такой местечковый национализм — крымчане (крымские татары, средний класс, ФГ 1).

Происходящая смычка между крымскими татарами и этническим большинством Крыма на почве неприятия «варягов» служит, парадоксальным образом, фактором межэтнической консолидации в Крыму. Однако она провоцирует и сепаратистские настроения, традиционно присутствующие в среде крымских татар, которые, при определенных условиях, способны дестабилизировать социальную обстановку в регионе.

Этническая идентичность русских ярко выражена, но в пространстве идентичностей она менее значима, чем гражданская (российская) идентичность и региональная идентичность.

Идентичности крымских татар

Гражданская идентичность. Гражданская идентичность крымских татар, до 2014 г. в подавляющем большинстве лояльных Украине, подверглась серьезным испытаниям во время и после «крымской весны». Крымским татарам было что терять. Во-первых, к этому времени они заняли определенное место в экономике, политике, элитах Крыма. Во-вторых, их вполне устраивал вектор развития Украины, оптимизм был связан с европейской интеграцией через Турцию и Украину (что, впрочем, не мешало распространенности происламских и антиамериканских настроений). В-третьих, они имели квази-государственное представительство — Меджлис. Играла определенную роль и налаженная система грантов со стороны Запада и Турции.

Кроме прагматических соображений важную роль играли идеологические и эмоциональные мотивы. Современная история крымских татар, их возвращение в Крым неразрывно связаны с историей украинской государственности.

Постфактум Украина воспринимается как страна, принявшая крымских татар в период распада Советского Союза. При всех проблемах возвращения, многие из которых оставались нерешенными вплоть до 2014 г. (а частично, и по сию пору), при всем скептицизме к «унитарному» вектору развития Украины и остороженности к процессу украинизации (который, правда, был наименее заметен в Крыму), — крымские татары отдают должное стране, вернувшей им Родину. Стране, в становлении государственности которой они принимали самое активное участие. Некоторые опрошенные эксперты и вовсе полагали, что именно крымские татары в силу своего опыта диссидентской борьбы привнесли наибольший вклад в развитие украинской демократии.

«Крымские татары — это единственная проукраинская сила на территории Крыма. Мы всегда занимали четкую проукраинскую позицию, потому что Украина — единственная из всех стран бывшего Советского Союза, которая приняла крымских татар и худо-бедно помогала здесь обустроиваться опять, на родной земле... Крымские татары, имея огромную историю борьбы за возвращение на Родину, всегда были активными участниками всех демократических движений, всяких хельсинкских групп и т. д. Потому стало совершенно очевидно, что крымские татары стали поддерживать демократическое движение Украины по независимости, и образовалась вот такая спайка, которая потом сохранилась. Это действительно было — первые украинские флаги в Крыму устанавливали крымские татары, и всегда это была проукраинская сила» (эксперт, общественник).

Сопричастность крымских татар Украине была столь очевидной, что, по мнению экспертов и русских участников фокус-групп, крымские татары использовались украинским руководством как «антирусский фактор», как важная сила в противодействии сепаратистским настроениям этнического большинства.

Идеологическая лояльность украинскому государству была особо заметна на фоне остороженности к России — в глазах крымских татар, не просто формально являющейся правопреемником СССР, но и по сию пору несущей ответственность за депортацию. Следует также учитывать, что украинская гражданская идентичность — явная или латентная, — имеет столь же прочную основу, как социализация младшего поколения⁶ и ресоциализация старшего поколения в Украине.

К весне 2014 г. в крымском социуме сформировался стереотип, что политические предпочтения, гражданская сопричастность имеют национальную окраску:

— *каждая национальность выбрала, если взять такое общественное мнение, определенную роль.*

— *...допустим, Украина — крымские татары, Россия — русские, так все просто. Это такой шаблон, стереотип, что если ты крымский татарин, то значит ты за Украину... Сформировался определенный стереотип, и он живет. Но он не на пустом месте сформировался, конечно (крымские татары, средний класс, ФГ 1).*

Для русских участников фокус-групп гражданская идентичность крымских татар накануне референдума — однозначно украинская:

— *За ту сторону [Украину] очень много татар было.*

⁶ Если для русской молодежи действие этого фактора нивелировалось воздействием семьи и ближайшего окружения, ориентированных, как правило, на Россию, то крымско-татарская молодежь искренне ощущала гражданскую идентичность с Украиной.

— ... это они первые продались [Украине] ... они остались патриотами, а мы, по их мнению, продажные (русские, низший класс, ФГ 1).

Идентификация крымских татар с Украиной принимала своеобразные формы: «мы [крымские татары] — украинцы», ... «мы не крымские татары — мы украинцы» (русские, средний класс, ФГ 2); «После референдума ходили татары в украинских футболках, выкрикивали: «Хто не скаче, той москаль...» (русские, низший класс, ФГ 1).

Парадоксально подмечено: «по политическому взгляду определяют и национальность» (крымские татары, средний класс, ФГ 1). При этом для крымских татар гражданская идентичность непротиворечиво сопрягалась с региональной при доминировании второй: «Мы всегда были с Украиной, но мы были крымчане»⁷ (крымские татары, средний класс, ФГ 1).

Очевидные потери от присоединения к России не перекрываются пока соответствующими дивидендами; в глазах большинства крымских татар, основными бенефициарами «крымской весны» стало этническое большинство. (Что не совсем так, по крайней мере, в материальном плане: среди крымских татар выиграли бюджетники, государственные и муниципальные служащие, служащие без высшего образования).

Отсюда — самопрезентация крымских татар если не как изгоев, то пострадавших.

«Мы никому не нужны, брошены. Получается, мы как падчерица у мамы. Как не родные дети. Все дети должны быть одинаковые, а не так, чтобы одного любят, а второго нет» (ФГ 4, Бахчисарай, недовольные).

Среди крымских татар отсутствует единство в отношении к произошедшим изменениям и оценке своей государственной принадлежности (16% заявляют, что, несмотря на произошедшие изменения, Крым для них и сейчас — часть Украины, 17% считают, что крымским татарам будет лучше при условии возврата в состав Украины, 52% затруднились ответить, как бы они проголосовали, если бы референдум состоялся сегодня).

За время, прошедшее с момента проведения референдума о статусе полуострова, крымские татары в большинстве своем так и не приняли Россию, в рамках массового опроса только 16% назвали себя россиянами. Даже среди тех, кто поддерживает идею вхождения Крыма в состав Российской Федерации, гражданская (российская) идентичность выражена слабо (36%), в то время как в противоположной группе (сторонники украинского статуса Крыма) она практически отсутствует (3% ответов).

«Я глубоко убежден, что до сих пор большинство крымских татар не приняли Россию как свою родную гавань и живут сегодня в режиме ожидания — чем все закончится» (эксперт, общественник).

Отстраненность от России наглядно демонстрирует лексика участника одной из фокус-групп:

...они должны были хотя бы с электричеством порешать, потому что с водой им повезло, дожди пошли... Плюс электричество, им было проще что-то сделать, у них был договор с Украиной (крымские татары, средний класс, ФГ 2).

⁷ Это может стать серьезной политической проблемой. По мнению лидера одной пророссийской партии крымских татар, «если Порошенко внесет в Конституцию [Украины], что Крым — национально-территориальное государство крымских татар, тогда 100% крымские татары будут за Украину».

В отличие от русских, которых «крымская весна» консолидировала, крымско-татарское население она расколола. Часть крымских татар — вероятно, большинство — ее не приняла, часть — смирилась с новой ситуацией:

— *Одни граждане разделились за поддержку страны Украина, в которой родились, выросли и проживали, другая часть населения, тоже значительная, в поддержку Российской Федерации, присоединения, возвращения к историческим корням и прочее* (крымские татары, средний класс, ФГ 1).

— ...поднимаются вопросы между «украинцами» и «россиянами», т. е., кто из крымских татар посчитали себя россиянами, приняли гражданство и довольны тем, что Крым присоединился к России, и те, кто до сих пор считают себя украинцами. Т.е. это уже не межнациональное, а внутринациональное.

— *...это внутринациональный вопрос, не межнациональный* (крымские татары, средний класс, ФГ 2).

Водораздел прошел по друзьям, родственникам, семьям:

— *...сейчас до сих пор отношение к России, Украине. В моей семье их лучше не трогать... Мы просто решили, что мы об этом не разговариваем. И все наши гости, и если мы в гостях, мы об этом не говорим...* (крымские татары, средний класс, ФГ 1).

Эксперты осторожны в оценках гражданской идентичности крымских татар, хотя склонялись к тому, что около трети крымских татар, по-прежнему, идентифицируют себя с Украиной, а остальные выбирают российскую идентичность или отстраняются от выбора. Похоже, что последних большинство; отстраняясь от гражданской идентичности с Украиной, они не готовы идентифицировать себя с Россией.

Формальная лояльность российскому государству не обязательно сопровождается эмоциональной связью и идентификацией с российским обществом. По крайней мере, для части крымских татар характерна двойная лояльность: формальная по отношению к России и реальная, идеологически-эмоциональная — к Украине (крымские татары после «крымской весны» оказались в ситуации русских периода, когда Крым входил в состав Украины).

«Крымские татары, по крайней мере, их большинство, проживает сегодня в ситуации двойной лояльности. То есть формальной лояльности российскому государству (это оформление гражданства, каких-то документов, подчинение законодательству, каким-то таким житейским вопросам). И в то же время, это политическая какая-то, некая идеологическая лояльность украинскому государству. Она продолжается при сохранении фактических гражданских связей [с Украиной]» (эксперт, общественник)

«Можно паспорт дать, но стану ли я от этого чувствовать себя гражданкой другого государства? Не стану. Для этого должны быть какие-то другие механизмы» (эксперт, общественник)

Важными факторами того, что российская идентичность если не отторгается, то, по крайней мере, подвергается сомнению, являются: во-первых, короткий срок, недостаточный для восприятия российских реалий, во-вторых, неприятие процедур, при которых, по мнению крымских татар, отсутствовал учет их мнения и механизмы согласования их интересов с интересами этнического большинства и других социальных групп, бессилие что-то изменить, в-третьих — критическая

позиция международного сообщества, провоцирующая ощущение временности, незавершенности происходящего. При том, что лишь немногие крымские татары верят в возвращение Крыма в лоно Украины или иной вариант изменения статуса: «это уже легенда, что Крым вернется к Украине, Россия все-таки, давайте правду в глаза...» (крымские татары, средний класс, ФГ 2).

«Нет, я не чувствую себя россиянином... Надо привыкнуть к этой стране. Мы еще за полтора года не привыкли. Может быть, наши дети будут чувствовать это» (ФГ2, Симферополь, недовольные).

«Сейчас без нас как бы женили [без спросу], если говорить открыто, поэтому я, например, себя не чувствую ни полноценным крымчанином, ни, тем более, россиянином. Потому что Россией здесь как таковой, еще и не пахнет» (ФГ4, Бахчисарай, недовольные).

«Когда мировое сообщество... в том числе и Украина... решат, что, действительно, Крым должен быть российским, вот тогда крымчане смогут себя считать россиянами. Но пока этот вопрос не решен на мировом уровне, понимаете?» (ФГ3, Бахчисарай, лояльные)

Гражданская российская идентичность, слабо артикулированная (16%), не столь значима на фоне этнической, территориальной и конфессиональной идентичностей: 81% определили себя, прежде всего, как крымских татар, 58% — как жителей Крыма, 51% — как мусульман. Менее значимы идентификация с семьей (43%), половая (18%), поселенческая (17%), профессиональная (7%), социальная идентичности (4%).

Региональная и этническая идентичности. Региональная идентичность органически связана с национальной, отчасти и оттого, что в названии национальности региональная привязка уже присутствует: *qirimtatarlar* (дословно «крымтатары») и *qırtılar* (дословно «крымцы»).

Для крымских татар этнорегиональная идентичность неразделима:

Модератор: Важнее Ваша национальность или то, что Вы из Крыма?

— Это неделимые вещи, я считаю. Крымские татары — это крымские татары.

Модератор: Или все-таки то, что Вы крымчане? Вот что здесь более определяющее?

— Мы будем крымчанами и в Москве, и в Америке, и в Африке будем крымчанами и крымскими татарами будем.

— ...если тебя кто-то хочет определить, кто ты такой, ты говоришь — крымский татарин, сразу становится все ясно, кто ты и откуда (крымские татары, средний класс, ФГ 1).

При этом национальность, не столь важная вне Крыма (я – крымчанка), важна в Крыму: «Здесь будут также делить себя на национальности вне зависимости от того, что ты крымчанин, — а кто ты по национальности» (крымские татары, средний класс, ФГ 1).

Некоторые вообще отвергают региональную идентификацию, предпочитая национальную: «когда мне говорят — ты крымчанин, я говорю — я не крымчанин, я — крымский татарин. Это, действительно, разные вещи» (крымские татары, средний класс, ФГ 1).

Внеэтническая интерпретация крымчан, характерная для этнического большинства, крымскими татарами не принимается, национальная идентичность домини-

рует: *мы все разных национальностей, и объединять все это в одно, на мой взгляд, это немножко некое неуважение к своей национальности...* (крымские татары, средний класс, ФГ 1).

Важным фактором сохранения идентичности является память о прошлом. Связь этнической и региональной идентичности базируется на двух основаниях: во-первых, презентации себя как уникального этноса, во-вторых — презентации Крыма как своей единственной Родины, своего единственного «дома».

Крымские татары постоянно подчеркивают свою «самость», апеллируя к тезису об уникальности этноса и его истории, в которой важнейшая роль отводится депортации и возвращению «домой».

«Татар есть много: казанские, башкирские есть. Мы к ним отношения почти не имеем. Мы с одной тюркской семьи, но мы совершенно разные, у нас диалекты разные, языки разные, культура разная... Многие путают крымских татар с татарами, которые пришли с монголами. Говорят, что мы пришли в Крым впервые в 1223 году и что мы здесь никакого права на Крым не имеем. Это не так» (ФГ7, Симферополь, молодежь).

Тема возвращения «домой», на Родину, постоянно всплывала в биографических интервью, которые были исполнены глубокой рефлексией по Родине. Респонденты, пережившие депортацию, подчеркивали, что они никогда не расставались с ощущением того, что рано или поздно они смогут вернуться «домой».

«Нас воспитывали в наших семьях, что ты — татарин. Мы маленькие были, нам уже говорили родители, что мы родились в Крыму. Крым — это наша Родина. И что мы обязательно сюда вернемся... Мы вернулись, и подумали «мы у себя на Родине». Там [в Узбекистане] мы были временно, все равно это не наше было» (биографическое интервью, Гульнара).

«Мы же на Родине сегодня? Мы же уже 30 лет на Родине живем. Там под узбекским флагом жили, но все время думали. Садись за стол чай пить, кофе пить, родители только говорили о Крыме все время. Понимаете, все время. Они говорили: «вот Крым — наша Родина» (эксперт, имам мечети).

«Сколько у нас высылки было, война, все-все... Но оттуда, куда нас выселяли (в Сибирь, в Узбекистан), мы вернулись к себе на Родину. И мы отсюда не уедем никуда. Многие не понимают этого. Многие не понимают, что такое Родина, а мы это хорошо понимаем, хорошо знаем!» (ФГ7, Симферополь, молодежь).

Для крымских татар Крым, являющийся их родиной — и это продемонстрировало исследование двадцатилетней давности, — не просто место их рождения, или где они прожили значительную часть жизни. В первую очередь, для них Родина — это место, где родились и выросли их предки — на это указали 75,4 % опрошенных. Для русских и украинцев это обстоятельство было совсем не значимо: на него указали, соответственно, 8,6 % и 7,0 % респондентов. Существенно важнее для них было то, что Родина — место их рождения: на это указывали 50,7 % русских и 58,7 % украинских респондентов. (Немногие крымские татары, рожденные в Узбекистане назовут его своей Родиной, как немногие способны воспринять множественность Родин — «малая Родина»).

Четыре пятых русских и украинских респондентов полагали, что с полным правом своей Родиной могут считать Крым представители всех национальностей,

проживающих на полуострове. В отличие от них, большинство крымских татар признавали такое право исключительно за представителями своей национальности [Проблемы миграции: 142—143]. Представления крымских татар о своей эксклюзивности трансформировались в дискурс о «коренном народе Крыма», нуждающемся в дополнительных преференциях, вплоть до создания специальных институтов квазигосударственности⁸; роль такого исполнял меджлис до его запрета.

В отличие от русских, для которых типична, судя по результатам фокус-групп, нисходящая иерархия идентичностей (российская => региональная => этническая), у крымских татар обратная иерархия (этническая => (или =) региональная => гражданская). Конфессиональная идентичность, о которой пойдет речь ниже, судя по всему, играет не столь значимую роль сегодня.

Дифференциация структур идентичностей. Этническая и региональная идентичности отмечались респондентами как наиболее значимые во всех возрастных группах, за исключением старших возрастов свыше 60 лет, для которых на второе место после этнической идентичности выходит конфессиональная.

Существенны различия в структурах идентичностей среди крымских татар, проживающих в разных типах поселений. В районах компактного проживания крымских татар (малые и средние города, сельская местность) связка этнической и региональной идентичностей прослеживается особо четко. Однако в Севастополе только 15 % из опрошенных заявили, что для них наиболее важен этнический фактор, в то же время в этой группе более выражена территориальная идентичность («житель Крыма» — 70 % ответов). Среди севастопольских крымских татар выше показатель и гражданской идентичности (30 % ответов). Вероятно, играют значение следующие факторы: во-первых, Севастополь не относится к территории компактного проживания крымских татар, их численность в городе мала и, как следствие, они слабо представлены в выборке. Во-вторых, Севастополь не относился и не относится к району традиционного расселения крымских татар (о чем свидетельствуют данные переписи 1926 г.). Селившиеся в городе после возвращения в Крым после депортации крымские татары были более настроены на интеграцию в социальную среду города, что и прослеживается сегодня (почти каждый третий идентифицирует себя как «жителя своего города» — 30 %). Незначительная доля указавших значимость этнической принадлежности, занимающей предпоследнее место в структуре идентичностей, свидетельствует о том, что многие из них не просто интегрированы в городской социум, но ассимилированы.

Иная ситуация сложилась в Симферополе, где для местных крымских татар региональная идентичность ушла на второй план, и для них более значимы конфессиональная, семейная, гендерная идентичности. Только 18 % определили себя, прежде всего, как жителей Крыма, в то же время 96 % заявили о том, что для них важен этнический фактор.

⁸ Важную роль играл исторический опыт существования автономии Крыма (Крымская АССР, Автономная Республика Крым)

Таблица 1. **Распределение ответов на вопрос:**
«Посмотрите на список и выберите 2—3 наиболее важные для Вас характеристики?»
(% от опрошенных, ранг; не более 3-х ответов по типу населенных пунктов)

	Симферополь		Севастополь		Средние и малые города		Село	
	%	ранг	%	ранг	%	ранг	%	ранг
Я — крымский татарин	96	1	15	7	81	1	82	1
Я — житель Крыма	18	5	70	1	70	2	62	2
Я — мусульманин	86	2	30	4—6	44	4	49	3
Я — член своей семьи	49	3	60	2	46	3	40	4
Я — мужчина /женщина	23	4	35	3	12	7	19	5
Я — житель нашего города/ села	6	6	30	4—6	20	5	18	6
Я — гражданин Российской Федерации	1	7	30	4—6	16	6	17	7

Дело в том, что наиболее урбанизированные, квалифицированные слои крымских татар, проживающие в Симферополе и оказавшиеся в центре событий «крымской весны», испытали стресс, несоизмеримо больший, чем проживающие в других поселениях Крыма. Среди них фиксируются крайне пессимистические оценки ситуации в отношении реализации, как политических, экономических, так и социокультурных прав, они более политизированы. Например, 91 % из них согласны, что крымские татары сейчас не могут проводить политические митинги, 85 % — выражать свою политическую позицию, 94 % — найти хорошую работу, 79 % — решить жилищный вопрос своей семьи, 50 % — зарегистрировать права собственности. Крымские татары, проживающие в Симферополе, заявляют о том, что не могут изучать язык своего народа (71 %) и получать образование в национальной школе (46 %).

Среди них наиболее высока доля не принявших новые реалии и выказывавших лояльность Украине: крымские татары, проживающие в Симферополе, на прошедшем референдуме голосовали преимущественно за сохранение Республики в составе Украины (92 %), тогда как респонденты из других поселений — за переход к России. Проукраинские настроения сохраняются: принадлежность Крыма к Украине признают почти треть симферопольских крымских татар (32 % из них заявляют, что Крым и сейчас для них — часть Украины), 16 % из них полагают, что через 10—15 лет Крым вернется в состав Украины (в малых и средних городах, сельской местности — 8 %).

Среди крымских татар, проживающих в Симферополе, сравнительная оценка материального положения ниже среднего — 20 % из них считают, что их материальное положение хуже, чем у большинства (в среднем — 15 %). При этом симферопольские респонденты лидировали по показателю неудовлетворенности своей жизнью (30 % отрицательных ответов). Недовольство жизнью и общей ситуацией в Крыму актуализирует конфессиональную идентичность и, в меньшей мере, этническую идентичность, отодвигая на второй план региональную.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос:
«Посмотрите на список и выберите 2—3 наиболее важные для Вас характеристики?»
(% от опрошенных, ранг; не более 3-х ответов по группам социального самочувствия)

	Скорее доволен своей жизнью		Скорее недоволен своей жизнью	
	%	ранг	%	ранг
Я — крымский татарин	78	1	87	1
Я — житель Крыма	54	2	56	3
Я — мусульманин	47	3	66	2
Я — член своей семьи	43	4	48	4
Я — гражданин Российской Федерации	23	5	4	7
Я — житель нашего города / села	20	6	13	6
Я — мужчина / женщина	19	7	14	5

Такие же тенденции зафиксированы и по группам оценки ситуации в Республике Крым: среди негативно и положительно оценивающих ситуацию в Республике региональная идентичность уступает конфессиональной, гражданская российская идентичность занимает последнее место.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос:
«Посмотрите на список и выберите 2—3 наиболее важные для Вас характеристики?»
(% от опрошенных, ранг; не более 3-х ответов по группам оценки ситуации в Крыму)

	Скорее хорошая		Скорее плохая	
	%	ранг	%	ранг
Я — крымский татарин	75	1	87	1
Я — житель Крыма	55	2	58	3
Я — мусульманин	44	3	68	2
Я — член своей семьи	41	4	36	4
Я — гражданин Российской Федерации	28	5	4	7
Я — житель нашего города / села	22	6	21	5
Я — мужчина / женщина	20	7	15	6

Социальные оптимисты несколько чаще определяли себя как граждан Российской Федерации (23%), чем пессимисты, для которых в большей степени характерны проукраинские взгляды.

Среди опрошенных, поддерживающих присоединение Крыма к РФ, наиболее важными характеристиками являются: «я — крымский татарин» (67%), «я — житель Крыма» (62%), «я — член своей семьи» (41%), «я — гражданин Российской Федерации» (36%) и «я — мусульманин» (36%). Для сторонников сохранения Крыма в составе Украины: «я — крымский татарин» (91%), «я — мусульманин» (66%), «я — житель Крыма» (54%), «я — член своей семьи» (35%).

И еще один важный момент: социальный пессимизм характерен в первую очередь для тех социальных слоев крымских татар, материальное положение

которых ухудшилось после присоединения Крыма к России: предпринимателей, безработных, неквалифицированных работников, пенсионеров, студентов.

Множественность идентичностей, их ситуативность, имеют следствием непостоянство, вариабельность структуры идентичностей. Снижение значимости одних идентичностей сопровождается повышением значимости других. Гражданская идентичность у крымских татар уходит на второй план, что особенно заметно среди социальных пессимистов и тех слоев населения, материальное положение которых ухудшилось особо приметно. Именно в этих слоях актуализированы конфессиональная и этническая идентичности, рассматриваемые как составные консолидации (Табл. 2, 3). Причем в первую очередь — конфессиональная идентичность: *«На первом месте должна стоять религия, не должно стоять я — крымский татарин... у нас в нашей национальности религия стоит на последнем месте ..., если бы религия была на самом первом месте, то возможно вокруг чего-то объединиться»* (крымские татары, средний класс, ФГ 2).

Конфессиональная идентичность. Крымско-татарское общество — декларативно религиозно: большинство опрошенных заявили о том, что они мусульмане (84 %), Муфтий был назван в числе самых авторитетных общественных деятелей.

Среди религиозных обрядов и ритуалов ислама крымские татары в большей степени делают пожертвования (95 %, в т. ч. 35 % заявили о том, что они их делают регулярно), держат пост во время Рамадана (69 %, в т. ч. 15 % — регулярно), реже — молятся по пятницам в мечети (54 %, в т. ч. регулярно — 7 %), совершают намаз (44 %, в т. ч. регулярно — 6 %). Однако только 2 % заявили о том, что они молятся 5 раз в день, в пятницу молятся в мечети, соблюдают пост в Рамадан и подают милостыню (то есть являются практикующими мусульманами), ещё 5 % заявили о том, что совершают эти действия иногда. Для большинства крымских татар характерны, в первую очередь, внешние проявления религиозности.

Крымские татары еще в начале 1990-х гг. выделялись на фоне других этнических групп полуострова своей религиозностью, носящей, впрочем, и тогда скорее декларативный характер: в 1995 г. 27 % относили себя к верующим, регулярно соблюдающим религиозные обряды, 39,2% — к верующим, не соблюдающим религиозные обряды или соблюдающие их эпизодически, 16,2% — к неверующим, симпатизирующим религиозным людям, 17,6% — к неверующим, равнодушным к религии [*Проблемы миграции: 145*].

По данным опроса 2015 г., среди тех крымских татар, кто исповедует ислам, только 2 % уже совершили хадж, 2 % планируют паломничество в Мекку, а 28 % — мечтают об этом, но пока не имеют возможности. Большинство не планирует совершить хадж (64 %).

Уровень религиозного радикализма невысокий, но каждый пятый (20 %) положительно отнесся к идее проживания в религиозном государстве (среди практикующих мусульман этот показатель составил 33 %).

Отношение крымских татар к т. н. Исламскому Государству (ИГИЛ), запрещенному российским законодательством, преимущественно негативно: только 2 % назвали борьбу на стороне ИГИЛ джихадом, тем самым выразив солидарность с ИГИЛ, $\frac{3}{4}$ респондентов выступают против ИГИЛ (45 % считают участие в ИГИЛ ошибкой, 29 % — преступлением против ислама). Несколько выше поддержка ИГИЛ среди совершивших хадж или планирующих паломничество в Мекку.

Заключение

Структура идентичностей крымско-татарского населения после «крымской весны» претерпела кардинальные изменения. Гражданская идентичность ушла на второй план, снижение доли идентифицирующих себя с Украиной не было компенсировано соответствующим ростом доли идентифицирующих себя с Россией; большинство крымско-татарского населения занимают выжидательную позицию. Крымские татары в большинстве своем так и не приняли Россию в качестве объекта для гражданской идентификации, в рамках массового опроса только 16 % респондентов назвали себя россиянами. Даже среди тех, кто поддерживает идею вхождения Крыма в состав Российской Федерации, гражданская (российская) идентичность выражена слабо (36 %), в то время как в противоположной группе (сторонники украинского статуса Крыма) она практически отсутствует.

В отличие от русских крымчан, для которых характерна нисходящая иерархия идентичностей (российская => региональная => этническая), у крымских татар фиксируется обратная иерархия (этническая => (или =) региональная => гражданская). При этом противопоставление региональной идентичности гражданской отмечается не только у крымских татар, но и среди представителей этнического большинства.

Традиционно неразрывные для крымских татар и занимающие первые места в структуре идентичностей этническая и региональная идентичности подверглись эрозии: среди недовольных новыми социальными условиями и порядками крымских татар на первом плане — конфессиональная принадлежность. Региональная идентичность замещается последней при сохранении этнической идентичности в качестве доминирующей. При этом этническая идентичность слабо варьируется у представителей разных социально-демографических групп крымско-татарского населения, что позволяет судить о ней как о наиболее устойчивой, выступающей ядром множества идентичностей крымских татар.

Список литературы

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М. : Медиум, 1995.

Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М. : Российская политическая энциклопедия, 2013.

Дробижева Л. М. Теоретические проблемы изучения гражданской идентичности и социальная практика [Электронный ресурс] // Перспективы. 2014. URL: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/teoreticheskije_problemy_izuchenija_grazhdanskoj_identichnosti_i_socialnaja_praktika_2014-09-10.htm (дата обращения: 10.06.2016).

Проблемы миграции и возвращение депортированных в Украину. Программа Freedom House. Вып. 1. Киев, 1997. 210 с.

Национальный состав населения. Таблицы с итогами Федерального статистического наблюдения «Перепись населения в Крымском федеральном округе». Таблица 4.1 [Электронный ресурс]. Росстат, 2015. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/tab-krim.htm (дата обращения: 10.06.2016).